

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кадышева Ольга Владимировна

**Нормативный регионализм
в современном международном праве на примере права
Евразийского экономического союза**

Специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Москва - 2026

Диссертация подготовлена на кафедре международного права
юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

Гальперин Михаил Львович,
доктор юридических наук, профессор,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики», факультет права,
Департамент международного
права, профессор;

Кешнер Мария Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
юридический факультет, кафедра
международного и европейского
права, профессор;

Толстых Владислав Леонидович,
доктор юридических наук, профессор,
Институт востоковедения
Российской академии наук, ведущий
научный сотрудник.

Защита диссертации состоится «4» июня 2026 г. в 16 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд. 536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3877>.

Автореферат разослан «___» марта 2026 г.

И. о. ученого секретаря
диссертационного совета
доктор юридических наук, доцент

П. Л. Полянский

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный миропорядок формируется под воздействием двух ключевых процессов — глобализации, ориентированной на поиск решений универсальных проблем, и регионализации, акцентирующей внимание на региональном сотрудничестве, которое нередко обеспечивает более оперативное и эффективное урегулирование многих вопросов. Если до начала XXI века эти явления рассматривались как противоположные, то на практике они проявляются как взаимодополняющие. Современные дискуссии ведутся в отношении того, выступает ли регионализм функциональным элементом универсалистской архитектуры международных отношений, или универсализм должен проявляться только тогда, когда меры, принятые на государственном или региональном уровне, оказываются недостаточными, например, для противодействия глобальному изменению климата.

В текущий момент происходит фундаментальная смена основного вектора в международной политике в виде изменения приоритетов государств и перехода от их активного участия в универсальных процессах к не менее настойчивому созданию различных форм регионального сотрудничества. Во многом это связано с пониманием того, что универсализм и глобализация имеют свои пределы, могут создавать препятствия для развития отношений между государствами и нести в себе значительные риски для них, в том числе и в виде навязывания интересов одной группы стран в качестве всеобщих ценностей и за счёт интересов других стран.

В условиях многополярного мира региональное сотрудничество — политика группы государств, направленная на углубление взаимодействия внутри этой группы ради достижения совместных целей, — становится более действенным инструментом решения целого ряда задач по сравнению с универсальными механизмами. В рамках такого международного сотрудничества создаются региональные международные организации, которые являясь подвидом международных организаций, уже воспринимаются как

сложившаяся и необходимая часть мирового порядка, играя при этом всё возрастающую роль в международной политике. В этой подгруппе особое место занимают международные организации региональной экономической интеграции¹, такие как, например, Евразийский экономический союз, Андское сообщество и Европейский союз. Их отличительной чертой является наличие у институтов таких организаций полномочий по принятию нормативных актов общего действия, обязательных не только для государств-членов, но и для субъектов их внутренних правопорядков (включая отношения между ними), и подлежащих непосредственному применению национальными судами государств-членов, замещая собой национальное законодательство.

В свою очередь, существование самостоятельных правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции и их очевидные особенности по сравнению с традиционными международными межгосударственными организациями порождают комплекс доктринальных вопросов в сфере международного права — о природе и составе источников права этих объединений, субъектах правопорядков и особенностях ответственности, а также о соотношении норм этих объединений с общим международным правом. Наличие этих проблем было признано в начале XXI века Комиссией международного права ООН в известном Докладе о фрагментации² и в более поздних исследованиях, посвящённых источникам международного права, когда оказалось невозможным дальше игнорировать как неоспоримый факт наличие особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции, так и то, как они влияют на достижение целей, поставленных государствами — членами этих организаций.

---

¹ В целях настоящей работы термины «международные региональные организации экономической интеграции», «региональные организации экономической интеграции» и «региональные интеграционные объединения» понимаются как синонимы.

² Комиссия международного права (далее — КМП). Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. Доклад Исследовательской группы Комиссии международного права. Окончательно подготовлен Мартти Коскенниemi. Документ ООН A/CN.4/L.68213. 13 апреля 2006 года. С. 109–110. § 195. URL: <https://docs.un.org/ru/A/CN.4/L.682> (дата обращения: 25.12.2025).

В этом отношении следует отметить, что академические исследования в области права международных организаций в основном концентрировались либо на организациях универсального характера, либо имели своим предметом отдельные региональные организации. При этом европейский опыт экономической интеграции не только сыграл центральную роль в развитии концепции регионализма в целом, привлекая внимание исследователей, но и длительное время воспринимался как модель и мерило успешности того или иного регионального интеграционного проекта. Существовавшее в науке признание права ЕС как *sui generis* во многом способствовало отсутствию работ, посвящённых комплексному исследованию правопорядков региональных интеграционных объединений не только и не сколько *per se*, но и с точки зрения общедоктринальных подходов международного права. Особенности правопорядка ЕС объяснялись его автономностью, которая при этом понималась по-разному исследователями права ЕС и специалистами по международному праву³. Однако современная практика показывает, что, во-первых, Европейский союз не является единственным примером, на который можно опираться при анализе этой проблематики, а во-вторых, было бы контрпродуктивно и неверно с методологической точки зрения измерять успешность интеграционных моделей путём их сравнения исключительно с ЕС и делать доктринальные обобщения о них, опираясь только на европейский опыт. Кроме того, попытки объяснить специфику правопорядков региональных интеграционных объединений исключительно через призму их автономности имеют свои ограничения в силу разного понимания этой автономности. В этом отношении научный потенциал приобретает идея нормативного регионализма, которая может быть использована для альтернативного объяснения разнообразия и особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка

---

³ *Исполинов А. С.* Принцип автономности права Евросоюза, его внешнее измерение и роль в процессе конституционализации ЕС // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. Т. 15. № 5. С. 251–277, 254.

ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты. **Всё это говорит об актуальности заявленной темы.**

Созданный в 2015 году Евразийский экономический союз сразу привлёк к себе внимание отечественных учёных, специалистов как в области международного права, так и европейского права. В опубликованных в течение нескольких последующих после создания ЕАЭС лет статьях российских юристов-международников анализировались такие международно-правовые вопросы функционирования ЕАЭС, как соответствие ЕАЭС основным характеристикам международных организаций, правосубъектность ЕАЭС, характеристика ЕАЭС как наднациональной международной организации, а также соотношение права ЕАЭС и международного права⁴. В свою очередь, отечественные специалисты по праву ЕС отмечали схожесть институциональной структуры и источников права ЕАЭС с другими интеграционными объединениями, в первую очередь с Европейским союзом, придерживаясь взгляда на право ЕАЭС как автономный правовой режим *sui generis*, демонстрирующий тенденцию к институциональному и нормативному обособлению от международного права посредством выработки собственных принципов Союза⁵.

---

⁴ См., например: *Ануфриева Л. П.* ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 48–62; *Бекашев К. А.* ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. 2014. № 11 (78). С. 14–16; *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69; *Пименова О. И.* Правовая интеграция в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 76–93; *Соколова Н. А.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права // *Lex russica*. 2017. № 11. С. 47–57.

⁵ См., например: *Дьяченко Е. Б., Энтин К. В.* Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 10 (262). С. 123–133; *Чайка К.* Конституционализация интеграционных правовых порядков как феномен международного права? // Международное правосудие. 2020. № 1 (33). С. 67–78.

За последние годы в отечественной литературе практически не появилось новых публикаций на тему международно-правовой природы Союза⁶, в то время как авторы второй группы подошли к пределу изучения права ЕАЭС путём его сравнения с правом ЕС в силу очевидной ориентации Суда ЕАЭС и государств — членов Союза на международно-правовые основы деятельности Союза и их нежелания выходить (по крайней мере пока) за рамки парадигмы международного права в дальнейшем развитии Союза.

При этом надо отметить, что право ЕАЭС обладает очевидной спецификой в силу того, что его нормы в определенных сферах действуют напрямую в правовых порядках государств — членов Союза и непосредственно применяются всеми субъектами национального права, включая частных лиц, в том числе и в отношениях между собой, а также национальными судами государств-членов. Это открывает дорогу к исследованию таких пока нераскрытых в отечественной литературе доктринальных вопросов, как субъектный состав правового порядка ЕАЭС и локальная правоспособность частных лиц в праве ЕАЭС, специфика источников права ЕАЭС и их иерархичность, включая проблему соотношения общих принципов права ЕАЭС, концепция которых активно развивается Судом ЕАЭС, с общими принципами права и принципами международного права.

Отдельно можно выделить такую особенность права ЕАЭС, как полное отсутствие упоминания международных обычаев (как общих, так и региональных) среди источников права ЕАЭС в Договоре о ЕАЭС и в практике Суда ЕАЭС, несмотря на то что в статье 50 Статута Суда ЕАЭС упоминается международный обычай в перечне применимых Судом норм при разрешении споров. Особое значение в этой связи приобретает фундаментальная проблема действия в правовом порядке ЕАЭС императивных норм международного права (*jus cogens*), а также возможность появления собственных региональных императивных норм в праве ЕАЭС и их соотношения с универсальными нормами

---

⁶ Исключением здесь является статья Н. Е. Тюриной. См.: Тюрина Н. Е. Правовая система ЕАЭС: суверенитет государств-членов и «наднациональное» право // Государство и право. 2025. № 7. С. 140–148.

jus cogens. Отдельного осмысления требует проблема действия общих норм об ответственности государств в правовом порядке ЕАЭС и их соотношения с соответствующими правилами в ЕАЭС, включая вопросы распределения ответственности между ЕАЭС и государствами — членами Союза, порядок вменения ответственности и порядок возмещения причинённого вреда. Все вышеперечисленные вопросы требуют комплексного доктринального осмысления, и имеют очевидное не только теоретическое, но и практическое измерение.

Степень научной разработанности темы исследования. В отечественной юридической науке в рамках специальности 5.1.5 (ранее — 12.00.10) с 2018 по 2023 год были защищены три диссертации на соискание степени доктора юридических наук, которые в той или иной степени касались проблематики ЕАЭС или его отдельных институтов (в первую очередь Суда ЕАЭС). В 2018 году была защищена диссертация А. С. Исполинова «Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии: на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС»⁷, в которой автором в числе других поднимались вопросы исполнения решений Суда ЕАЭС и взаимодействия Суда ЕАЭС и Конституционного Суда РФ, однако без учёта сложившейся в последнее время практики данных судов. В 2022 году была защищена диссертация К. Л. Чайки (на тот момент занимавшего должность судьи Суда ЕАЭС) на тему «Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия»⁸, где в том числе рассматривались региональные интеграционные объединения как особая категория международных организаций, права региональных интеграционных объединений, а также вопросы взаимодействия конституционных судов государств-участников и судов региональных интеграционных объединений. В 2023 году была защищена диссертация сотрудника аппарата Суда ЕАЭС Е. Б. Дьяченко на тему «Отправление

---

⁷ *Исполинов А. С.* Суды региональных интеграционных объединений в международном правосудии (на примере Суда ЕС и Суда ЕАЭС) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

⁸ *Чайка К. Л.* Суды интеграционных объединений среди иных органов международного правосудия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

правосудия в судах интеграционных объединений»⁹, в которой в двух разделах исследовались роль суда интеграционного объединения как органа, обеспечивающего правопорядок в интеграционном объединении, и проблемы применения норм и принципов международного права при формировании правовых позиций суда интеграционного объединения. Однако в целом это диссертационное исследование было посвящено процессуальным аспектам деятельности органов международного правосудия: вопросам доказательств и доказывания, судебного толкования международных договоров и иным вопросам отправления правосудия.

Отдельным международно-правовым проблемам регионального сотрудничества государств, правосубъектности международных региональных организаций, правопорядков региональных интеграционных объединений и деятельности региональных судов посвящены диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук В. С. Ковалева «Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС» (Москва, 2022)¹⁰, Э. А. Хачатряна «Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: Сравнительно-правовой анализ» (Москва, 2022)¹¹, региональным механизмам разрешения споров посвящена диссертация А. А. Волковой «Региональные механизмы разрешения международных торговых споров» (Москва, 2025)¹². Нельзя не отметить диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук, защищённые судьями Суда ЕАЭС первого состава: в 2020 году в г. Минске Д. Г. Колос защитил кандидатскую диссертацию на тему «Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой

---

⁹ Дьяченко Е. Б. Отправление правосудия в судах интеграционных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

¹⁰ Ковалев В. С. Механизмы реализации международной правосубъектности ЕС и ЕАЭС : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

¹¹ Хачатрян Э. А. Роль решений Суда ЕАЭС и Суда ЕС в укреплении региональных правопорядков: Сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.

¹² Волкова А. А. Региональные механизмы разрешения международных торговых споров: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025.

анализ»¹³, а в 2022 году также в г. Минске В. Х. Сейтимова защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Судебная защита прав международных гражданских служащих»¹⁴.

Международно-правовые вопросы экономической интеграции составляют предмет исследования в докторских диссертациях Н. А. Ефремовой «Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства» (Москва, 2010)¹⁵ и С. Н. Ярышева «Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства» (Москва, 2012)¹⁶.

Общие проблемы международной ответственности являлись предметом диссертационного исследования на соискание учёной степени доктора юридических наук М. В. Кешнер «Институт реализации международной ответственности государств» (Казань, 2023)¹⁷.

Вопросы права Европейского союза рассматривались в докторских диссертациях М. М. Бирюкова «Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход» (Москва, 2004)¹⁸, А. Я. Капустина «Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза» (Москва, 2001)¹⁹, П. А. Калиниченко «Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом» (Москва, 2011)²⁰,

---

¹³ Колос Д. Г. Компетенция Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2020.

¹⁴ Сейтимова В. Х. Судебная защита прав международных гражданских служащих: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2022.

¹⁵ Ефремова Н. А. Международно-правовые механизмы регулирования экономической интеграции и суверенитет государства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

¹⁶ Ярышев С. Н. Международно-правовые вопросы формирования и функционирования Единого экономического пространства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

¹⁷ Кешнер М. В. Институт реализации международной ответственности государств: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2023.

¹⁸ Бирюков М. М. Современное развитие Европейского Союза: международно-правовой подход: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.

¹⁹ Капустин А. Я. Международно-правовые проблемы природы и действия права Европейского Союза: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.

²⁰ Калиниченко П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

О. М. Мещеряковой «Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета» (Москва, 2010)²¹, Г. Р. Шайхутдиновой «Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве» (Казань, 2007)²².

Применительно к различным разделам диссертационного исследования можно выделить труды представителей отечественной и зарубежной доктрины, в разное время анализировавших соответствующие аспекты рассматриваемой проблематики. Тем не менее представленный в диссертации анализ отечественной и зарубежной литературы свидетельствует, что на данный момент отсутствуют комплексные исследования, посвящённые проблемам регионализма и его нормативному проявлению в виде существования в международном праве особых систем правовых норм, формирующих правопорядки международных организаций региональной экономической интеграции с собственными источниками права, собственным подходом к категории общих принципов права, самостоятельными механизмами ответственности и специфическими формами правосубъектности, а также необходимости осмысления взаимодействия региональных и универсальных норм международного права, включая вопросы императивных норм, общих принципов права и распределения ответственности между государствами и интеграционными объединениями.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка концепции нормативного регионализма через призму свойств и особенностей права Евразийского экономического союза как международной организации региональной экономической интеграции с учётом объективных современных тенденций в международном праве. Для достижения данной цели автором поставлены следующие задачи:

1) определить понятие и особенности проявления регионализма в международном праве, соотношения и взаимодействия универсального и

---

²¹ Мещерякова О. М. Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

²² Шайхутдинова Г. Р. Продвинутое сотрудничество государств в европейском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2007.

регионального правового регулирования, раскрыть понятие «нормативный регионализм» и его сущностные характеристики, установить значение региональных норм международного права в деятельности Комиссии международного права ООН и её роль в поддержании баланса между универсальным и региональным правовым регулированием;

2) выявить региональные аспекты деятельности универсальных международных организаций на примере ООН, а также особенности международных региональных организаций экономической интеграции как особой подгруппы международных организаций, установить критерии для отнесения организаций в эту подгруппу, показать закономерности их развития с точки зрения увеличения объёма их компетенции и влияющих на это факторов;

3) систематизировать региональные нормы как основу системы правовых норм региональной международной организации, включая региональные императивные нормы, общие принципы права как источник права ЕАЭС и нормы регионального публичного порядка;

4) выявить проблемы правосубъектности в региональных интеграционных объединениях в сравнении с общим представлением о правосубъектности в международном праве, установить особенности правосубъектности частных лиц, включая статус международных служащих, в региональных интеграционных объединениях и роль парламентского контроля в обеспечении правопорядка Евразийского экономического союза;

5) определить и систематизировать основные проблемы права международной ответственности в его преломлении на правовую систему Евразийского экономического союза, провести сравнительно-правовой анализ норм об ответственности на примере Всемирной торговой организации и Европейского союза, включая положения о *lex specialis* в праве международной ответственности, выявить особенности смешанных соглашений ЕАЭС с третьими странами и проблемы ответственности Союза и государств — членов ЕАЭС, возникающие в связи с заключением данных соглашений;

б) установить роль Суда Евразийского экономического союза как институциональной основы для развития права Евразийского экономического союза, проанализировав его отдельные полномочия, связанные с консультативной юрисдикцией и исполнением решений, выявить пути взаимодействия Суда ЕАЭС с конституционными судами государств — членов ЕАЭС в части исполнения решений Суда ЕАЭС и их правового значения в национальных правовых системах государств — членов Союза на примере подходов Конституционного Суда Российской Федерации.

Объектом диссертационного исследования выступают отношения между государствами, а также между государствами и международными межправительственными организациями, складывающиеся в процессе регионального сотрудничества, включая процессы формирования и функционирования права региональных интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз и Европейский союз, а также отношения с участием частных лиц в рамках правовых систем данных объединений.

Предметом диссертационного исследования являются теоретико-правовые основы и закономерности нормативного регионализма, раскрывающиеся в формировании, структуре и функционировании правовых систем региональных интеграционных объединений, прежде всего на примере права Евразийского экономического союза, включая особенности его норм и принципов, правосубъектность частных лиц, механизмы ответственности, а также роль Суда ЕАЭС во взаимодействии с высшими судебными органами государств-членов.

Методологическая основа диссертационного исследования. При проведении исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы познания, в том числе, исторический, сравнительно-правовой, социологический, формально-логический методы познания. Исследуемые явления рассматривались в единстве и целостности, поэтому использовались метод структурно-функционального анализа и системный подход к рассмотрению правовых явлений. Системный характер методологии также

выражается в ориентации исследования на правоприменительную практику и использовании аналитического инструментария, направленного на выявление и осмысление реально функционирующих процессов и явлений. При проведении диссертационного исследования автор руководствовался концептуальными положениями общей теории государства и права, международного права и международного экономического права.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных учёных — специалистов в области международного права Абашидзе А. Х., Абдуллина А. И., Авхадеева В. Р., Ануфриевой Л. П., Байкова А. А., Бекяшева К. А., Боброва Ю. В., Боклан Д. С., Бруна М. И., Верещетина В. С., Гловой С. В., Дурденевского В. Н., Дьяченко Е. Б., Захаровой Н. В., Игнатенко Г. В., Исполинова А. С., Калиниченко П. А., Капустина А. Я., Карташкина В. А., Кешнер М. В., Кожевникова Ф. И., Кожеурова Я. С., Колоса Д. Г., Корецкого В. М., Кремнева П. П., Лифшица И. М., Лукашука И. И., Мартенса Ф. Ф., Мюллерсона Р. А., Нефёдова Б. И., Нешатаевой Т. Н., Павловой Н. В., Пименовой С. Д., Поповой А. Н., Ромашева Ю. С., Самович Ю. В., Саидова А. Х., Симоновой Н. С., Смбатян А. С., Соколовой Н. А., Солнцева А. М., Толстых В. Л., Тункина Г. И., Тюриной Н. Е., Чайки К. Л., Черниченко С. В., Шестакова Л. Н., Шибяевой Е. А., Шинкарецкой Г. Г., Шумилова В. М., Энтина К. В., Энтина Л. М., Энтина М. Л.

Автор руководствовался также работами таких зарубежных юристов, как A. Aust, D. Azaria, B. Allen, J. Ahman, M. C. De Andrade, R. Barkholdt, C. Baudenbacher, S. Bardutzky, G. Bermann, S. Besson, E. Bjorge, M. Björklund, A. Bobić, C. M. Brölmann, R. Brewster, I. Brownlie, R. Buchan, F. F. Carvalho, E. Castellarin, F. Chatzistavrou, A. Christopoulou, A. Contesse, P. Craig, J. Crawford, A. Cuyvers, A. Cygan, M. C. R. de Lang, E. de Wet, R. O. F. Derler, L. Dopplinger, C. Eggett, U. Engel, F. Ferretti, O. K. Fauchald, M. Fink, T. Flynn, A. Follesdal, M. Forteau, H. Freudenschuß, N. Gal-Or, M. Ghantous, F. Ghodoosi, C. Giorgetti, C. Gray, D. Grimm, X. Groussot, J. A. Gutiérrez-Fons, R. Hasmath, B. Hettne,

T. Hoško, A. P. Huneus, A. Jancic, A. Júnior, M. Kamiyama, A. Karatzia, Y. Kaspiarovich, T. Keresteš, C. Kessedjian, N. Knight, M. Kohler, R. Kolb, G. Kübek, P. Kuyper, M. Lachs, N. Lanzoni, D. Lenefsky, L. C. Lima, U. Linderfalk, A. P. Llamzon, G. Martinico, T. Mayr, J. Mayr-Singer, F. Megret, A. Mitchell, A. Müller, C. I. Nagy, N. Nedeski, P. J. Neuvonen, J. Odermatt, K. Oellers-Frahm, L. Oppenheim, A. Orakhelashvili, O. Osiero, P. Palchetti, D. Panke, J. Pasqualucci, D. Petrić, W. Phelan, S. Romano, C. L. Rozakis, T. Ruys, A. Soete, T. R. Schäffer, J. Schmid, C. Schreuer, X. Shao, S. Sieberson, R. Simo, B. Simma, F. Söderbaum, P. Šturma, D. Tladi, K. Turner, N. van der Waarden, M. Virally, A. von Verdross, M. Wood, J. Wouters, C. Wyse, K. S. Ziegler, J. Ziller, A. Zouapet.

Нормативно-правовую базу представленного диссертационного исследования составляют международные договоры, обычные нормы международного права, общие принципы права и обязательные резолюции международных организаций, а также акты национального законодательства.

Эмпирическая база исследования. В работе были использованы решения международных судов и иных органов по разрешению споров, а также решения национальных судебных органов. При подготовке диссертации была проанализирована информация, размещённая на официальных порталах и сайтах международных межправительственных организаций, включая собираемые и обобщаемые ими статистические данные, аналитические сведения, результаты научных и научно-практических исследований и мероприятий, а также иная информация, опубликованная в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», по вопросам регионального сотрудничества государств.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной науке международного права установлено, что термин «регионализм» эволюционировал, и что в современных условиях территориальный критерий в контексте регионального сотрудничества потерял своё ключевое значение, он стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующие для достижения

этих целей (интересов) собственные правовые нормы ограниченного круга применения. В этой связи обосновано, что на первый план выступает концепция нормативного регионализма как особой формы регионализма в его позитивном и негативном значении, в том числе с точки зрения наличия собственных источников соответствующей региональной правовой системы, которые по своему составу и иерархии могут отличаться от перечня источников общего международного права. На примере права ЕАЭС предложено использовать термин «нормативный регионализм» для анализа специфики права международной организации региональной экономической интеграции.

Установлено, что региональные правовые системы могут включать положения, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название, защищающие ценности фундаментального характера для этой группы государств, а также региональные общие принципы права в качестве самостоятельного источника права региональных интеграционных объединений.

Обосновано положение о том, что нормативный регионализм в части региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС) проявляется также в появлении в праве этих объединений локальной правосубъектности частных лиц, которая возникает в силу принимаемых институтами этого объединения нормативных актов общего применения, непосредственно действующих в национальных правовых системах государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Кроме того, учитывая особенности правосубъектности частных лиц (как физических, так и юридических лиц), которые в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права (их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей), предложено сместить фокус дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физических лиц) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве.

Исследование международной ответственности в условиях регионализма позволило установить, что её традиционная модель, закреплённая в Статьях об ответственности государств, разработанных Комиссией международного права, дополняется и модифицируется в региональных и специальных правопорядках.

Анализ практики консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, позволил определить, что правовые позиции, воплощенные в консультативные заключения Суда ЕАЭС, приобретают характер *erga omnes*, и их интерпретационная значимость постепенно усиливается. Последовательное обоснование вопросов правовых последствий принятых международными судами решений и порядка их исполнения позволило раскрыть проблематику расхождения позиций судов интеграционных объединений и высших национальных судов государств-членов в оценке правовых последствий решений судов интеграционных объединений в национальных правопорядках государств-членов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Понятие «регионализм» со временем заметно трансформировалось: территориальный критерий в контексте регионального сотрудничества потерял своё ключевое значение, и термин «регионализм» стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующих для достижения этих целей (интересов) собственные правила ограниченного круга применения. Кроме того, регионализм перестал ассоциироваться исключительно с опытом Европейского союза, который уже не воспринимается как однозначно позитивный пример, в то время как «новый регионализм», следуя логике построения многополярного мира, исходит из множества модальностей регионального сотрудничества, сохраняя при этом главные характеристики регионализма — ограниченный круг участников и наличие собственных норм, регулирующих отношения между этими участниками.

2. На фоне объективных ограничений, с которыми сталкиваются попытки объяснить специфику права региональных интеграционных объединений через призму их автономности, несомненный научный потенциал приобретает

концепция нормативного регионализма, которая может быть использована для объяснения разнообразия и особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты: собственные источники права, субъектный состав и механизмы ответственности.

Выделение нормативного регионализма в качестве особой формы регионализма не только предполагает в его позитивном значении наличие особых норм или принципов, которые были бы обязательны лишь для государств — членов регионального объединения, но и в негативном значении требование группы государств определённого географического района не применять к ним универсальные нормы или принципы. Нормативный регионализм основан в том числе и на собственных источниках регионального права, которые по составу и иерархии могут отличаться от перечня универсальных источников международного права, в число которые могут входить региональные договоры, региональные обычаи и региональные общие принципы права. Регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права.

3. Региональные правовые системы могут включать положения, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название, защищающие ценности фундаментального характера для этой группы государств, которые принимаются к исполнению этими государствами как обязательные и не подлежат изменению даже соглашением сторон, что серьёзным образом влияет на незыблемость аксиомы об универсальности *jus cogens*. В современном международном праве возможно существование нескольких категорий норм, императивных по своему характеру и по последствиям, но с разными названиями. Таким образом, в рамках

международной правовой системы могут существовать не только универсальные императивные нормы, но и такие императивные нормы, которые могут быть адаптированы к специфическим условиям и интересам определённых групп государств. В силу своей специфики региональные императивные нормы могут быть более гибкими и учитывать уникальные политические, экономические и культурные особенности стран определённого региона.

Решение вопросов иерархии универсальных и региональных *jus cogens* и возможных нормативных конфликтов будет зависеть от общего отношения конкретного регионального правопорядка к международному праву и степени его автономности. В этой связи необходим плюралистский подход к таким ситуациям, отражающий концепцию многополярного мира, при котором спектр возможных вариантов будет варьироваться от признания приоритета универсальных императивных норм с допущением исключения в виде региональных императивных норм до признания приоритета региональных императивных норм как следствия действия общеправового принципа *lex specialis derogat generali*, исключающего применение универсальных императивных норм.

4. Статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой применения, в связи с чем отсутствуют основания для исключения региональных общих принципов права из источников права региональных правопорядков, при этом региональные общие принципы права могут возникать либо на основе региональных международных соглашений, либо в рамках региональных международных организаций, и методы их идентификации могут отличаться от методологии установления универсальных общих принципов права любой категории.

Региональные общие принципы права могут быть выявлены и разработаны на основе практики, связанной с конкретным региональным договором или региональной организацией, и могут быть процессуальными или материальными. Региональные общие принципы права в первую очередь должны способствовать интеграции внутри региональных правовых систем, заполняя институциональные

или правовые пробелы, тем самым повышая согласованность и устойчивость внутри данных правовых систем. При этом региональные общие принципы права могут рассматриваться как *lex specialis*, исключая или ограничивающие применение общих принципов права, имеющих универсальный характер.

5. В качественном аспекте общие принципы права региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС, где эти принципы формулируются соответствующими судами) по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, равно как признание их самостоятельным источником международного права, то использование принципов права интеграционных объединений в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов таких объединений и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств — членов объединений применительно к общим принципам права в международном праве неизвестно.

Отличием общих принципов права региональных интеграционных объединений от общих принципов права универсального характера является их особый иерархический статус в региональных правопорядках. Если Комиссия международного права ООН в своём проекте выводов говорит о том, что общие принципы права не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями, то общие принципы права региональных интеграционных объединений рассматриваются как особая категория норм, которые находятся выше нормативных актов, принимаемых институтами таких объединений, и заключаемых такими объединениями международных договоров.

Общие принципы права в понимании Комиссии международного права ООН, с одной стороны, а также общие принципы права ЕС и права ЕАЭС, с

другой стороны, сближает то, что определяющую роль в выявлении этих принципов и их применении играют международные суды, которые благодаря этой категории правовых норм получают значительные полномочия по заполнению пробелов в праве, что зачастую может находиться на грани судебного нормотворчества и потому встретить негативную реакцию государств.

6. В том, что касается доктрины общих принципов права ЕАЭС, разрабатываемой Судом ЕАЭС, то эти принципы можно отнести к категории общих принципов права, имеющих региональное применение по смыслу проекта вывода 12, предложенного Комиссией международного права. При этом, как показывает практика этого Суда, у общих принципов права ЕАЭС на данный момент ограниченный функционал, они используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. Суд ЕАЭС пока воздерживается от применения доктрины общих принципов права ЕАЭС в качестве инструмента для заполнения пробелов, вероятно, желая избежать обвинений со стороны государств — членов ЕАЭС в судебном нормотворчестве. Возможно, эта ситуация изменится в будущем. Кроме того, Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте принципов права в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права (например, в трактовке Международного Суда ООН), и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС), или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

7. Применительно к региональным интеграционным объединениям нормативный регионализм проявляется также в появлении локальной правосубъектности частных лиц в правопорядках этих объединений. Локальная правосубъектность возникает в силу того, что принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого

объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами.

8. Общее международное право не содержит запрета как на общую правосубъектность частных лиц, так и её региональные (локальные) проявления. Традиционный для международной правосубъектности критерий участия в создании норм международного права в данном случае, во-первых, не является определяющим, во-вторых, этот критерий находит своё выражение в различных институциональных механизмах, создаваемых в рамках таких объединений, к которым можно отнести создание представительных органов на уровне объединения, механизмы для побуждения органов объединения принять определённый правовой акт, соучастие национальных парламентов, представляющих интересы частных лиц государств — участников таких объединений в процессе создания соответствующих правовых норм, а также соучастие граждан в принятии таких норм путём выражения своего согласия на референдуме.

Частные лица (как физические, так и юридические) в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права, и их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей, причём объём правосубъектности частных лиц варьируется в зависимости от отрасли международного права и в целом имеет тенденцию к расширению — как в отношении её содержания, так и в процессуальном отношении. Это даёт основания утверждать, что более правильным подходом было бы смещение фокуса дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физических лиц) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве.

9. Право международной ответственности не может рассматриваться исключительно с точки зрения содержания разработанных Комиссией международного права ООН Статей об ответственности государств или

международных организаций либо авторитетных комментариев к ним. Применение норм о международной ответственности на практике зависит в том числе и от особенностей правовых систем, где реализуется ответственность государств и других субъектов. Правопорядки интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, подразумевают наличие собственных средств защиты нарушенных прав, которые в корне отличаются от традиционного международного права, что либо исключает применение к институту ответственности в таких правовых системах норм общего международного права, включая положения Статей об ответственности, либо означает, что эти положения применяются только в той степени, в какой они не противоречат нормам регионального права, или в случаях, которые им не урегулированы.

10. Необходимость дальнейшего развития и углубления евразийской интеграции подразумевает, что в рамках ЕАЭС должны быть созданы эффективные механизмы устранения допущенных нарушений прав субъектов права ЕАЭС, которыми являются не только государства — члены ЕАЭС и сам Союз и его органы, но и частные лица, включая возмещение понесённого ими ущерба в результате таких нарушений. Для этого, безусловно, необходимы подготовка и внесение изменений в действующую правовую базу Евразийского экономического союза, что позволит сформировать *lex specialis* в правовом порядке ЕАЭС в отношении международной ответственности.

11. Соглашения, заключаемые ЕАЭС и его государствами-членами с третьими сторонами, при решении ими возможных сценариев присвоения поведения за нарушения норм этих соглашений, регулируют лишь вопросы о надлежащем ответчике (и то лишь частично, разрешая при этом подать иск по усмотрению заявителя одновременно к ЕАЭС и к государству — члену Союза). В отсутствие чётких договорных правил присвоения поведения арбитражные группы окажутся перед необходимостью решать этот вопрос самостоятельно, используя для этого либо Статьи об ответственности международных организаций 2011 года, либо очень проблематичную практику ВТО в отношении ЕАЭС. Учитывая тенденцию использования на региональном

уровне аналога механизма разрешения споров ВТО, можно предположить, что второй вариант является более вероятным. В этом случае речь пойдёт о солидарных обязательствах и о солидарной ответственности ЕАЭС и его государств-членов за нарушение заключённых ими соглашений с третьими странами.

12. Практика консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, ставит под сомнение представление о консультативной юрисдикции как дополнительной по отношению к юрисдикции по рассмотрению споров. Консультативная юрисдикция имеет огромный потенциал, однако эффективное использование этой юрисдикции зависит как от условий её реализации, изложенных в документах конкретного международного суда, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон (в случае Суда ЕАЭС таковыми являются ЕЭК и государства — члены Союза) её использовать. При этом установление консультативной юрисдикции в учредительных документах того или иного суда само по себе не гарантирует её широкое использование данным судом.

В том, что касается правового эффекта консультативных заключений, не имеющих, по общему правилу, обязательной юридической силы, можно говорить об убедительности таких заключений и об их принятии государствами, входящими в тот или иной международный правопорядок, причём эта убедительность (правовой эффект, правовое значение) заключений не является постоянной величиной для всех международных судов, обладающих соответствующей компетенцией. Она варьируется от суда к суду в зависимости от их авторитета и репутации, от того, оказывает ли суд влияние на всё международное право, как Международный Суд ООН, или имеет влияние лишь в рамках секторальных или региональных интеграционных правопорядков, как Суд ЕАЭС. Такие консультативные заключения может ждать как полное забвение и игнорирование, так и их повсеместное признание государствами и доктриной как кардинально изменивших ту или иную отрасль международного права или тот или иной правопорядок.

13. В случае Суда ЕАЭС особое значение имеют консультативные заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет права Союза и непосредственное действие (прямой эффект) норм права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективного правопорядка ЕАЭС. Несмотря на то что консультативные заключения Суда ЕАЭС не имеют обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, особая интерпретационная значимость (*res interpretata*), и, в отличие от решений по спорам, которые обязательны только для сторон спора, правовые позиции, положенные в основу консультативных заключений, с самого начала обладают характером *erga omnes*. Кроме того, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструментальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС, содержащие концептуализацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом, и, во-вторых, содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений.

14. Вопросы о правовых последствиях принятых международными судами решений и порядке их исполнения приобретают особую актуальность применительно к судам региональной интеграции, таким как Суд ЕАЭС, которые определяют соответствие праву объединения актов его институтов, действующих в установленных государствами сферах в правопорядках государств непосредственно и применяемых частными лицами в отношениях между собой, а также национальными судами при разрешении споров. Как

показывает практика, у судов интеграционных объединений и высших национальных судов, осуществляющих контроль правомерности актов органов этих объединений, может возникнуть разное прочтение правовых последствий решений судов интеграционных объединений для национальных правопорядков государств — членов таких объединений. Особенно, как это видно из практики Суда ЕАЭС, велик риск возникновения таких конфликтных ситуаций в том случае, если эти вопросы нечётко урегулированы в учредительных документах суда объединения.

15. Практика Суда ЕАЭС по вопросам исполнения решений Суда ЕАЭС подтверждает, что государства при создании Суда не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде Союза, оставив Суду лишь функцию по контролю над исполнением решения в виде возможности обращения в Высший Евразийский экономический совет. Суд ЕАЭС в позициях по поводу исполнения своих решений демонстрирует желание изменить существующий предусмотренный Статутом Суда порядок исполнения решений, считая обращение в Высший Евразийский экономический совет по ходатайству хозяйствующего субъекта исключительной мерой, к которой можно прибегать лишь в особых обстоятельствах, и толкует соответствующее положение Статута не как обязанность, а как право сделать это в том случае, если он сочтёт это необходимым. Такой подход обусловлен высокой степенью политизированности рассмотрения вопросов, связанных с неисполнением решений Суда, на уровне Высшего Евразийского экономического совета.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в развитии доктрины международного права в части осмысления концепции нормативного регионализма и его проявления в правопорядках региональных интеграционных объединений, а также в предложении использовать идею нормативного регионализма для анализа и объяснения разнообразия и особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции. В работе через призму нормативного регионализма на примере права ЕАЭС формируется представление о специфике правопорядков

организаций региональной экономической интеграции в части их субъектного состава, механизмов ответственности и источников права, включая региональные императивные нормы, общие принципы права и элементы публичного порядка — и их места в системе источников общего международного права.

Исследование расширяет теорию международной правосубъектности, обосновывая существование локальной правосубъектности частных лиц в региональных правопорядках, а также развивает доктрину международной ответственности, показывая пределы и особенности применения универсальных норм ответственности в условиях действия *lex specialis* региональных интеграционных объединений.

Существенный вклад вносится в теорию международного правосудия: анализ консультативной юрисдикции и правовых последствий решений региональных судов, прежде всего Суда ЕАЭС, позволяет переосмыслить роль судебных органов в формировании и развитии региональных правопорядков.

Полученные теоретические положения формируют научную основу для дальнейшего изучения региональных интеграционных правопорядков и процессов фрагментации международного права в условиях многополярности.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования его выводов и предложений для совершенствования правового регулирования Евразийского экономического союза и повышения эффективности функционирования его институтов. Разработанные в работе подходы к пониманию региональных норм, общих принципов права, публичного порядка, а также предложенная модель распределения ответственности между ЕАЭС и государствами-членами могут быть применены при подготовке изменений в Договор о ЕАЭС²³, акты

---

²³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024). URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvc5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 25.12.2025).

Евразийской экономической комиссии и проекты международных соглашений Союза.

Выводы исследования представляют практическую ценность для деятельности Суда ЕАЭС, поскольку предлагают теоретически обоснованные решения вопросов консультативной юрисдикции, исполнения решений Суда и его взаимодействия с национальными судами государств-членов, что может способствовать формированию более устойчивой судебной практики и укреплению правопорядка Союза.

Полученные результаты могут быть использованы государствами — членами ЕАЭС по вопросам, возникающим в связи с интеграционными процессами, в том числе при разрешении споров, имплементации актов органов Союза, осуществлении контроля за их соответствием праву ЕАЭС и разработке механизмов защиты прав частных лиц.

Кроме того, материалы диссертации могут быть интегрированы в образовательные программы по международному праву и праву ЕАЭС, способствуя подготовке специалистов в сфере правового обеспечения евразийской интеграции.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены автором лично.

Достоверность результатов исследования. Детальный анализ правовых актов, практики их применения, доктринальных подходов, статистических данных, обоснованность методологии и методов исследования, постановка цели и задач исследования обуславливают достоверность полученных результатов, что также подтверждается их апробацией.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре международного права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные выводы и положения исследования отражены в 23 работах по теме, из них в 23 научных статьях, опубликованных в рецензируемых изданиях,

рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Положения диссертационного исследования нашли отражение в 47 докладах автора, сделанных по теме диссертации за период с 2016 по 2025 гг, среди которых можно выделить следующие: «Можно ли говорить о существовании публичного порядка ЕАЭС?» (VIII Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение верховенства права на пространстве ЕАЭС», Минск, Беларусь, 20–21 ноября 2025 года), «Региональные аспекты деятельности Организации Объединённых Наций» (Ежегодная международная научно-практическая конференция Тункинские чтения «ООН: 80 лет на службе делу мира», Москва, 23 октября 2025 года, «Регионализм и “загадка” статьи 38(1)(с) Статута Международного Суда ООН» (IV Казанский международный юридический форум, сессия «Роль международного права в поддержании мира и безопасности в условиях вызовов современного миропорядка (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и образования Организации Объединённых Наций)», Казань, 3–5 октября 2025 года), «Общие принципы права как источник права ЕАЭС» (68-е Ежегодное собрание Российской ассоциации международного права «Формирование универсального международного права как результат Великой Победы», Москва, 1–2 июля 2025 года), «К вопросу о правосубъектности частных лиц в Евразийском экономическом союзе: универсальные и региональные аспекты» (XXI Международный конгресс «Блищенковские чтения» Международное право — средство обеспечения мира и доверия, РУДН, Москва, 12 апреля 2025 года), «Принципы права ЕАЭС в системе принципов международного права» (XXV ежегодная Международная научно-практическая конференция «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», Москва, 26–29 ноября 2024 года), «Исполнение решений Суда Евразийского экономического союза: на пути к диалогу» (VII международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Десять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: обеспечение

единообразного применения права ЕАЭС», Минск, Беларусь, 21–22 ноября 2024 года), «Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность» (III Казанский международный юридический форум, сессия «Международное право в условиях глобальной трансформации: региональная интеграция и межрегиональное взаимодействие», Казань, 26–27 сентября 2024 года), «Консультативные заключения Международного Суда ООН: очевидное не очевидно» (67-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, Москва, 1–2 июля 2024 года), «Соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы ответственности» (67-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, Москва, Россия, 1–2 июля 2024 года), «Вектор современных направлений российской доктрины международного права» (IX Конференция памяти Г. В. Игнатенко, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, 20 апреля 2024 года), «Правосубъектность частных лиц в праве Евразийского экономического союза» (Международная научно-практическая конференция «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» (в рамках XIII Московской юридической недели), МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 21–24 ноября 2023 года), «Проблема исполнения решений Суда ЕАЭС: *experientia docet*» (Международная конференция Суда ЕАЭС «Влияние практики Суда Союза на формирование правопорядка ЕАЭС», Минск, Беларусь, 16–17 ноября 2023 года), «Международное право и парламентаризм: современный дискурс» (Научная конференция «Ломоносовские чтения», секция «Юриспруденция»: «Российский парламентаризм: теория, история и современное развитие», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 12 апреля 2023 года), «Публичный порядок интеграционного объединения и развитие единого внутреннего рынка» (V Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение эффективности доступа к правосудию в ЕАЭС», Суд ЕАЭС, Минск, Беларусь, 17–18 ноября 2022 года), «Взаимодействие принципов международного права и принципов права интеграционных

объединений» (65-е Ежегодное Собрание Российской ассоциации международного права «Международное право в многополярном мире», секция «Новейшие тенденции в правовом регулировании региональной интеграции», Москва, 10–11 ноября 2022 года), «Право на возмещение в Суде ЕС и в Суде ЕАЭС» (Международная научно-практическая конференция «Права человека между универсализмом и регионализмом (к 55-летию Международных Пактов о правах человека и 60-летию Европейской социальной хартии)», Казанский федеральный университет, Казань, 16 декабря 2021 года), «Ответственность за нарушение прав частных лиц в праве ЕАЭС» (XXII Международная научно-практическая конференция «Роль права в обеспечении благополучия человека», Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 23–26 ноября 2021 года), «Ответственность в праве Евразийского экономического союза» (IV Международная конференция Суда Евразийского экономического союза «Обеспечение единообразного применения права Евразийского экономического союза: роль Суда», Минск, Беларусь, 17–19 ноября 2021 года), «Правопорядок ЕАЭС и его место в системе международного права» (64-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права по теме: «Международное право — основа справедливого Миропорядка в эпоху турбулентности и перемен», Москва, 28–29 июня 2021 года), «Эволюция преюдициальной юрисдикции судов региональной интеграции» (63-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права на тему: «75 лет Великой Победы и развитие современного международного права», Москва, 27–29 января 2020 года), «Роль актов Суда ЕАЭС в правовой системе Союза» (Международная конференция «Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов», Минск, Беларусь, 18–19 октября 2018 года), «Обеспечение прав частных лиц в Суде ЕАЭС» (Совместная XVII Международная научно-практическая конференция и XI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения»: «Обеспечение прав и свобод личности в современном мире», Москва, 22 ноября — 5 декабря 2016 года).

Автором составлены учебные программы по курсам «ВТО: вопросы теории и практики», «Правовая структура соглашений ВТО», «Юридическое сопровождение процессов в Суда ЕАЭС», «Международное экономическое право», которые используются в учебном процессе. Отдельные идеи диссертационного исследования применялись автором в процессе преподавания учебных курсов «Международное право» на Юридическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Структура диссертации. Структура и объём диссертации predeterminedены логической последовательностью изложения материала в соответствии с целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, а также списка сокращений и списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, приводится степень ее разработанности, определяются цель, задачи и предмет исследования, демонстрируется новизна, научная и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **главе 1 «Нормативный регионализм и международное право»**, состоящей из шести параграфов, отмечается, что в настоящее время происходит фундаментальная смена основного вектора в международной политике в виде изменения приоритетов государств и перехода от их активного участия в универсальных процессах к не менее настойчивому созданию различных форм регионального сотрудничества, которое оказывается зачастую более эффективным инструментом для решения целого ряда проблем, чем попытки использовать для этих целей универсальные механизмы.

Параграф 1.1. определяет общее понимание регионализма, который эволюционировал от «старого» регионализма, основанного на географической и культурной близости государств, к «новому» и далее к формирующемуся

«сравнительному» регионализму, характеризующемуся функциональным подходом, многомерностью и отказом от географической детерминации. С нормативной точки зрения регионализм может рассматриваться как совокупность правил, применимых только к группе государств соответствующего региона, либо как требование об освобождении таких государств от необходимости соблюдать универсальные правила. Несмотря на то что европейский опыт сыграл центральную роль в развитии концепции регионализма, как история, так и современная практика показывают, что это не единственный пример, на который можно опираться при анализе этой проблематики.

Параграф 1.2 раскрывает понятие «нормативный регионализм» и формы его проявления в международном праве. В современных условиях значительный массив международно-правовой практики формируется в рамках региональных институтов, однако при восприятии международного права как универсального правопорядка специфика регионального правового регулирования нередко остаётся на периферии научного анализа. При этом регионализм не имеет фиксированного содержания и не сводится исключительно к географическому измерению, а обозначает политику группы государств, направленную на более тесную интеграцию и реализуемую преимущественно через региональные международные организации и формируемые в их рамках региональные правопорядки. Именно в этом контексте регионализм и его влияние на единство международного права были рассмотрены Комиссией международного права ООН в Докладе о фрагментации международного права, в котором были выделены различные значения регионализма, включая его понимание как метода установления международно-правовых норм и как стремления к региональным исключениям из универсальных норм. Исходя из этого, особое значение приобретает нормативный регионализм, рассматриваемый как совокупность правил, применимых только к группе государств региона, либо как освобождение таких государств от действия универсальных норм, что соотносится с принципом *lex specialis* и нашло отражение в последующих работах Комиссии. В первом (позитивном) значении норма или принцип были бы обязательны только для

государств, обозначенных в качестве членов конкретного региона. Во втором (негативном) значении регионализм освобождал бы государства определенного географического района от обязательной силы в противном случае универсальной нормы или принципа»²⁴. Таким образом, нормативный регионализм может проявляться в максиме *lex specialis* и «либо предназначен для применения модифицированной общей нормы, либо, возможно, в первую очередь служит отступлением от такого рода нормы»²⁵. С международно-правовой точки зрения концептуально регионализм проявляется в двух важных конструкциях — создании региональной межправительственной организации, учреждаемой государствами на основе международного договора, и формировании в ее рамках региональной международно-правовой системы, предназначенной для регулирования отношений между государствами региона в согласованных ими сферах.

Для анализа особенностей этих правовых систем вместо термина «автономные правопорядки» необходимо использовать термин «нормативный регионализм», который обладает несомненным научным потенциалом и может быть использован для альтернативного объяснения разнообразия, в том числе и особенностей правопорядков организаций региональной экономической интеграции именно как части международного права. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты: собственные источники права, субъектный состав и механизмы ответственности. Кроме того, регионализм в его нормативной форме проявляется в специфических региональных источниках международного права, к которым Комиссия международного права явным образом относит региональные (партикулярные) обычаи и региональные общие принципы права, не отрицая также существование региональных *jus cogens*.

---

²⁴ КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 116–117. § 211.

²⁵ КМП. Фрагментация международного права: трудности, обусловленные диверсификацией и расширением сферы охвата международного права. С. 109–110. § 195.

В параграфе 1.3 «Регионализм и Организация Объединённых Наций» рассматривается соотношение универсалистской модели международного правопорядка, закреплённой в Уставе ООН, и регионалистских тенденций, получивших развитие в рамках деятельности ООН. Несмотря на универсалистскую направленность Устава ООН, его положения допускают существование региональных соглашений и органов для разрешения споров, что заложило нормативную основу для сочетания универсального и регионального уровней международно-правового регулирования, прежде всего в сфере поддержания международного мира и безопасности, при сохранении за универсальными органами ключевых полномочий. Последующая практика применения Устава ООН придала регионализму более значимую роль, чем это следует из его текста. Регионалистские черты проявились как во взаимодействии ООН с региональными организациями, так и во внутренней структуре, порядке формирования органов и процедурах принятия ими решений.

В параграфе 1.4. раскрыты проявления нормативного регионализма в деятельности Комиссии международного права ООН на примере её исследований региональных императивных норм и региональных общих принципов права.

Специальный докладчик и КМП воздержались от категоричного утверждения о том, что международное право полностью отвергает концепцию региональных императивных норм, при этом недоверие с их стороны к концепции региональных *jus cogens* объясняется тем, что во-первых, КМП в своей работе по кодификации и прогрессивному развитию международного права в принципе нацелена на универсальность правового регулирования; во-вторых, это может быть связано с опасениями по поводу фрагментации международного права; и, в-третьих, даже с возможными злоупотреблениями в толковании правовых норм. В отношении региональных общих принципов права позиция КМП была иной: главным достижением Комиссии в контексте региональных общих принципов права стало появление проекта вывода 12, озаглавленного «Общие принципы права с ограниченной сферой применения», в котором было указано, что подготовленные проекты выводов не затрагивают

общих принципов права с ограниченной сферой применения. Это показывает, что, несмотря на очевидное намерение КМП всемерно поддерживать универсальный подход в международном праве, не замечать происходящие на региональном уровне тенденции стало просто невозможно, тем более что значительная доля практики в области международного права формируется именно на региональном уровне.

Параграф 1.5. посвящен нормативному регионализму и региональным международным организациям. Региональные организации своим существованием бросают вызов ценностным основам современного международного права, в частности тем, которые связаны с универсальностью его норм²⁶. В последнем параграфе первой главы представлены основные выводы по главе.

Вторая глава **«Региональные нормы как основа права Евразийского экономического союза»** состоит из четырех параграфов. В параграфе 2.1 дана общая характеристика права ЕАЭС и отмечено, что право ЕАЭС — это именно правопорядок, то есть система норм со своей иерархией, нормотворческими органами и судом, отвечающим за единообразное толкование и применение норм права Союза и осуществляющим соответствующий контроль за их правомерностью. На сегодняшний день государства — члены Союза и Суд ЕАЭС не рассматривают право Союза как особый полностью автономный правопорядок, существующий отдельно от международного права, а сам Суд Союза действует в парадигме международного права, применяя правила толкования Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Подходы к наднациональному регулированию и к особенностям правопорядка в самом Договоре о Евразийском экономическом союзе не определены, а выработаны в практике Суда ЕАЭС. Во-первых, Суд Союза в праве Союза видит «единую систему»²⁷, во-вторых, право Союза обладает свойствами «прямого

---

²⁶ Brölmann C. M. Regional Organizations in International Law: Exploring the Function-Territory Divide // International Organizations Law Review. Vol. 21. 2024. No. 1. P. 132–146, 11.

²⁷ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 10 июля 2018 года по делу № P-1/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.18/ (дата обращения: 25.12.2025).

действия и непосредственного применения» (в терминологии Суда)²⁸, и наконец, право Союза имеет приоритет над правом государств-членов²⁹. Кроме того, в практике Суда ЕАЭС мы обнаруживаем ссылки на общие принципы права Союза, что позволяет ставить вопрос о формировании собственных общих принципов права ЕАЭС, напрямую не предусмотренных Договором о ЕАЭС, которые также можно считать особой чертой права ЕАЭС и особой категорией его источников.

В параграфе 2.2. рассмотрены вопросы идентификации региональных императивных норм. В международном праве признаётся концепция *jus cogens* как сверхнорм, которые не могут быть отменены или изменены соглашением государств, а могут быть изменены только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер. Данная концепция поддерживается как в доктрине, так и в практике международных и национальных судов. Универсальность является существенной чертой императивных норм, что, на первый взгляд, подтверждает аргументы, исключающие существование любой региональной *jus cogens*. Действительно, императивные нормы могут рассматриваться как инструмент для предотвращения фрагментации международного права, поскольку предполагают их применение во всех областях международного права в качестве общей правовой основы, которой должны подчиняться принимаемые государствами нормы низшего порядка. В силу этого само существование региональных *jus*

---

²⁸ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 4 апреля 2017 года по делу № P-1/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.17/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 10 июля 2018 года по делу № P-1/18; Консультативное заключение Большой Коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № P-3/18. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.18/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 18 июня 2019 года по делу № P-1/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-1.19/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 31 октября 2019 года по делу № P-3/19. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.19/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 11 июля 2023 года по делу № P-2/23. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.23/ (дата обращения: 25.12.2025).

²⁹ Суд ЕАЭС. Консультативное заключение Большой Коллегии от 12 сентября 2017 года по делу № P-2/17. URL: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-2.17/ (дата обращения: 25.12.2025); Консультативное заключение Большой Коллегии от 7 декабря 2018 года по делу № P-3/18; Консультативное заключение Большой Коллегии от 18 июня 2019 года по делу № P-1/19.

cogens может вызывать сомнения в силу того, что нормы *jus cogens* требуют согласия всего международного сообщества государств. С другой стороны, также сложно отрицать, что региональные правовые порядки и региональные системы защиты прав человека могут включать нормы, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название. Такие нормы, как правило, охватывают фундаментальные ценности, которые принимаются к исполнению всеми государствами, входящими в эти правовые порядки, как обязательные, и не подлежат изменению даже соглашением сторон, что серьёзным образом влияет на незыблемость аксиомы об универсальности *jus cogens*. В такой обстановке не стоит полностью отвергать концепцию региональных императивных норм, поскольку такие нормы могут сыграть конструктивную роль в современном международном праве. Региональные императивные нормы могут существовать в международных отношениях и служить средством достижения важной цели или целей для группы национальных государств, отражая их собственные региональные ценности. Таким образом, в рамках международной правовой системы могут существовать не только универсальные императивные нормы, но и те, которые могут быть адаптированы к специфическим условиям и интересам определённых групп государств. Решение вопросов иерархии универсальных и региональных *jus cogens* и возможных нормативных конфликтов будет зависеть от общего отношения конкретного регионального правового порядка к международному праву и степени его автономности, при этом спектр возможных вариантов будет варьироваться от признания приоритета универсальных императивных норм с допущением исключения в виде региональных императивных норм до приоритета региональных императивных норм как следствия действия общеправового принципа *lex specialis derogat generali*.

Параграф 2.3. посвящен проблемам общих принципов права как источника права Евразийского экономического союза. Статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной

территориальной сферой применения, в связи с чем отсутствуют основания для исключения региональных общих принципов права из источников права региональных правопорядков. Проект вывода 12 показывает, что и Комиссия международного права ООН не исключает существование региональных общих принципов права, специально указывая, что на «общие принципы права с ограниченной сферой применения» не распространяются рассуждения Комиссии как в части природы и функций, так в части методологии выявления общих принципов права. Региональные общие принципы права могут возникать либо через региональные международные соглашения, либо в рамках региональных международных организаций, и методы их идентификации могут отличаться от методологии установления универсальных общих принципов права любой категории. Признание существования региональных общих принципов права может иметь непосредственные практические и скорее положительные результаты, поскольку региональные подходы будут способствовать развитию плюрализма в международном праве и фактически примирять концептуальное противоречие между универсализмом и требованием принимать во внимание существующую региональную специфику и в целом многополярность современного мира. Так же как локальные международные обычаи, региональные общие принципы права могут применяться к спорам, имеющим региональный охват; кроме того, региональные общие принципы могут восполнять пробелы и использоваться для целей толкования региональных договоров. Региональные общие принципы права, в первую очередь, должны способствовать интеграции внутри региональных правовых систем, заполняя институциональные или правовые пробелы, тем самым повышая согласованность и устойчивость внутри данных правовых систем. Так же как в случае с региональными обычаями, региональные общие принципы права могут рассматриваться как *lex specialis*, исключаящие или ограничивающие применение общих принципов права, имеющих универсальный характер.

Одним из результатов включения Комиссией международного права ООН в свою повестку вопросов об общих принципах права оказался рост интереса

представителей доктрины международного права к региональным принципам права, среди которых наибольшую известность получили общие принципы права ЕС и практика их применения Судом ЕС. Оставаясь на протяжении десятилетий предметом интереса только исследователей права ЕС, эти принципы практически не изучались через призму общего международного права и воспринимались как явление *sui generis*. Краеугольной отличительной особенностью общих принципов права ЕС является их несоизмеримо более значительная в количественном и качественном выражении роль в праве ЕС по сравнению с тем значением, которое имеют общие принципы права как во внутренних правовых системах, так и в международном праве. В качественном аспекте общие принципы права ЕС по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, то использование принципов права ЕС в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов ЕС и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств полностью неизвестно для общих принципов права в международном праве. Другим несомненным отличием общих принципов права ЕС от общих принципов права универсального характера является их особый иерархический статус в праве ЕС. Если Комиссия в своём проекте выводов говорит, что общие принципы права не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями, то общие принципы права ЕС обычно рассматриваются как часть первичного права (в том случае, когда они кодифицированы в учредительных договорах ЕС) или как особая категория норм, которые находятся чуть ниже первичного права, но выше всех других нормативных актов ЕС, включая акты вторичного права и международные соглашения, подписанные ЕС.

В том, что касается доктрины общих принципов права ЕАЭС, разрабатываемой Судом ЕАЭС, то эти принципы можно отнести к категории общих принципов права, имеющих региональное применение по смыслу проекта

вывода 12, предложенного Комиссией международного права. При этом, как показывает практика этого Суда, эти принципы используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. Суд ЕАЭС пока воздерживается от применения доктрины общих принципов права ЕАЭС в качестве инструмента для заполнения пробелов, вероятно, желая избежать обвинений со стороны государств — членов ЕАЭС в судебном нормотворчестве. Кроме того, Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте общих принципов права в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права (например, в трактовке МС ООН), и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС), или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

В параграфе 2.4. рассмотрены вопросы публичного порядка как основы регионального правопорядка. Несмотря на то что традиционно доктрина публичного порядка воспринималась через призму оговорки о публичном порядке как части частного права, «публичный порядок» всё же следует считать также институтом публичного права, что в большей мере соответствует его природе, существу и функциям, поскольку он служит публичным интересам государства и общества, поддерживая суверенитет и безопасность. В последнее время концепция публичного порядка прочно укоренилась в международном публичном праве, где она используется в узком и широком смыслах своего значения. Если в узком смысле публичный порядок представляет собой одно из предусмотренных международным договором оснований для правомерного отказа государства исполнять свои обязательства в рамках данного договора, то в широком значении он представляет собой совокупность норм, являющихся фундаментальными для того или иного международного правопорядка и обеспечивающих его устойчивость и эффективность.

В Европейском союзе термин публичный порядок использовался как в узком, так и в широком смыслах. Говоря о концепции публичного порядка на уровне ЕАЭС, нужно отметить, что, несмотря на то что Договор о ЕАЭС не

упоминает категорию публичного порядка, статья 29 Договора содержит перечень ограничений для функционирования внутреннего рынка товаров, что не исключает возможности толкования и использования оговорки о публичном порядке как национальными судами, так и Судом ЕАЭС, и, на наш взгляд, именно суды должны дать толкование понятия «публичный порядок». Вопрос о соотношении в международном публичном праве концепции публичного порядка в широком смысле с доктриной императивных норм международного права в силу их схожести по правовым последствиям следует воспринимать как иллюстрацию появления в международном праве по инициативе государств конкурирующих концепций, что является прямым следствием отсутствия мирового законодательного органа. Наличие таких конкурирующих концепций означает, что у международных судов появляется возможность протестировать их на практике при разрешении нормативных конфликтов с точки зрения удобства их применения.

Глава 3 «Вопросы правосубъектности частных лиц в праве Евразийского экономического союза» состоит из четырех параграфов. *В параграфе 3.1.* «Понятие частного лица и общие вопросы правосубъектности частных лиц в международном праве» отмечается, что в системе международного права человеку (гражданину, индивиду) на протяжении столетий места не находилось, поскольку основным последствием Вестфальского мира 1648 года стало появление такой системы международных отношений, в которой только государства были субъектами международного права, а частные лица могли быть только объектами правового регулирования, полностью подчинёнными государству. Произошедшая за последние сто лет эволюция международного права привела к тому, что место индивида в международном праве переместилось с периферии если не в центр, то по крайней мере внутрь системы международного права. *В параграфе 3.2.* «Доктрина международного права о статусе частных лиц в общем международном праве» указано, что несмотря на то что правосубъектность индивидов относится к числу «классических» тем для исследований в международном праве, мнения о

международно-правовом статусе «частных лиц», предпосылках его возникновения и его пределах сильно различаются. В современной доктрине международного права представлен широкий разброс взглядов на международную правосубъектность частных лиц — от категорического отрицания такой правосубъектности до признания за ними статуса единственного субъекта международного права. С другой стороны, надо также отметить, что современные дискуссии о появлении международной правосубъектности частных лиц идут в различном контексте в зависимости от отрасли международного права, в которой происходили ощутимые изменения. Наибольшую известность и соответствующий резонанс получили теории правосубъектности индивида, основанные на предоставлении частным лицам материальных и процессуальных прав международными соглашениями о защите прав человека, включая право на прямое обращение в создаваемые этими соглашениями контрольные органы. Другим направлением стало обсуждение в доктрине международного инвестиционного права правосубъектности инвесторов (что включает в себя не только физических, но и юридических лиц), где исходной точкой для рассуждений также было предоставление государствами в заключаемых ими инвестиционных договорах прав инвесторам, включая право на обращение с иском к государству в *ad hoc* арбитраж. Международная правосубъектность транснациональных корпораций рассматривается в рамках международного экономического права, приоритетной задачей которого является установление международно-правовой ответственности таких компаний за нарушение норм международного права³⁰. В науке международного морского права также высказываются предложения о том, что «роль и положение лиц в морском праве постоянно эволюционирует»³¹ и ходе этого развития начинает формироваться их «правосубъектность с

---

³⁰ *Dal Ri Júnior A., Bastos Calazans E. L. Transnational Corporations Subjectivity Based on the Criteria of the Bernadotte Case and the Traditional International Law Doctrine // Anuario Mexicano de Derecho Internacional. Vol. XVIII. 2018. P. 155–189, 166.*

³¹ *Papanicolopulu I. The Law of the Sea Convention: No Place for Persons? // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 27. 2012. P. 867–874, 873–874.*

вытекающими из этого правами и обязанностями»³². Таким образом, можно говорить о существовании в международном праве отраслей, в которых индивид приобрёл правовой статус «отраслевого субъекта» международного права, дающий ему право иметь международные права и обязанности.³³

Подход к определению круга субъектов правопорядков интеграционных объединений также не может быть аналогичным подходу к международной правосубъектности в общем международном праве. Региональные интеграционные объединения (такие как Европейский союз и Евразийский экономический союз) сами по себе являются особыми субъектами международного права, которые нельзя отождествлять с государствами либо классическими межправительственными организациями. В силу их специфики в рамках правопорядков региональных интеграционных объединений допустимо существование локальной правосубъектности частных лиц, которая тем не менее имеет ограниченный характер и варьируется по своему объёму в пределах правопорядка конкретного интеграционного объединения, возникая в момент создания государствами такого объединения и прекращаясь в момент окончания его деятельности. Способность участия в процессе «нормотворчества» вполне можно относить не к признакам международной правосубъектности, а к её проявлению и качественной характеристике, которые являются следствием правосубъектности, а не её основанием. Однако реализуемость в современных условиях вариантов участия частных лиц в нормотворческой деятельности на универсальном уровне представляется маловероятной из-за очевидного нежелания государств делиться своей монополией на создание норм международного права, что не исключает появление таких форм на региональном уровне. В этом отношении в рамках ЕС такие возможности созданы как на уровне ЕС в виде права голоса при избрании раз в несколько лет членов Европейского парламента, и в виде так называемой Европейской гражданской инициативы (*The European Citizens' Initiative*), при

---

³² Ibid.

³³ Müller A. T. Op. cit. P. 296.

которой в случае сбора в соответствии с установленным порядком более одного миллиона подписей граждан, представляющих не менее семи государств-членов, в поддержку принятия того или иного нормативного акта, Европейская комиссия обязана подготовить соответствующий законопроект и направить его в Европарламент и в Совет ЕС³⁴.

Параграф 3.3. посвящен проблемам правосубъектности в региональных интеграционных объединениях. В отличие от права классических международных организаций, право интеграционного объединения образуют не только учредительные договоры и изменения к ним, включая договоры о присоединении новых членов, и традиционные для международного права решения и резолюции органов такого объединения, но и принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правовых порядках государств-членов, заменяя собой национальные правовые акты в соответствующей области. Такие нормативные акты общего применения (в случае с ЕАЭС это, например, решения ЕЭК; в случае с ЕС это регламенты Совета ЕС и Европарламента) применяются всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе частными лицами, как в отношениях частных лиц с государством (по вертикали), так и в отношениях между собой (по горизонтали), а также национальными судами при разрешении споров, в том числе и между частными лицами.

Если существование правосубъектности частных лиц в рамках Европейского союза не вызывает никаких споров среди специалистов по праву ЕС и воспринимается уже как определённая данность, то в Договоре о ЕАЭС отсутствует специальное регулирование статуса частных лиц и признания за ними правосубъектности в рамках Союза. Тем не менее можно выделить ряд положений Договора о ЕАЭС, которыми регулируются вопросы статуса

---

³⁴ Подробнее см.: Karatzia A. The European Citizens' Initiative and the EU Institutional Balance: On Realism and the Possibilities of Affecting EU Lawmaking // Common Market Law Review. Vol. 54. 2017. No. 1. P. 177–208.

частных лиц в Союзе. Например, частные лица могут свободно перемещать товары между государствами-членами без таможенных пошлин и ограничений, граждане входящих в ЕАЭС государств могут оказывать услуги в других государствах-членах, граждане стран ЕАЭС имеют право работать в других государствах — членах Союза; кроме того, Договор включает положения о защите прав потребителей и упрощённые условия для миграции и трудовой деятельности граждан. Частные лица могут нести ответственность по праву ЕАЭС в виде санкций за нарушение таможенных правил Союза и норм о защите конкуренции на трансграничном рынке ЕАЭС. И наконец, что является особенно важным, частные лица³⁵ имеют право на доступ к постоянно действующему Суду Союза по вопросам обжалования действий (бездействий) органа ЕАЭС — Евразийской экономической комиссии, и оспаривания вынесенных Комиссией актов. Таким образом, можно заключить, что объективные предпосылки для признания правосубъектности частных лиц в правовом порядке ЕАЭС уже созданы: правосубъектность уже *de facto* существует, поскольку частные лица применяют право ЕАЭС не только в вертикальных правоотношениях с государством, но и между собой — по горизонтали; кроме того, они могут защищать свои права, вытекающие из права ЕАЭС, в национальных судах, а также (пусть и в ограниченном пока формате) в Суде ЕАЭС.

Последний параграф третьей главы посвящен парламентскому нормотворчеству и парламентскому контролю как институциональной форме участия частных лиц в создании норм права интеграционных объединений. Перспективы развития интеграционных процессов в значительной степени зависят от взаимодействия органов интеграционных объединений и органов государств-членов, а эффективный национальный парламентский контроль за

---

³⁵ Сделаем оговорку, что перечень частных лиц, имеющих доступ к Суду ЕАЭС, является определённо суженным, поскольку в Суд ЕАЭС по делам о разрешении споров могут обратиться только юридические лица и индивидуальные предприниматели, а в рамках полномочий по осуществлению консультативной юрисдикции — сотрудники и должностные лица органов Союза и Суда по вопросу разъяснения положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями.

качеством законодательной деятельности в региональных интеграционных объединениях рассматривается как возможный способ смягчить «дефицит демократии» и повысить легитимность этих интеграционных объединений и их нормативных актов. В Европейском союзе эта проблема была в определенной степени преодолена наращиванием полномочий Европейской ассамблеи и преобразованием ее в Европейский парламент, с 1974 года избираемый прямым тайным и всеобщим голосованием населения государств — членов ЕС, а также закреплением на уровне договоров ЕС процедуры совместного принятия нормативных актов Совета и Европарламента. Кроме того, в ЕС решён вопрос о создании специальных процедур соучастия национальных парламентов в принятии нормативных актов на уровне ЕС, хотя эффективность предложенных механизмов и вызывает сомнения. Что же касается ЕАЭС, то Союз находится лишь в начале развития, поэтому полное отсутствие парламентских органов на его уровне, а также каких-либо форм вовлечения национальных парламентов в процесс принятия нормативных актов на уровне Союза не выглядит серьёзной проблемой, что не исключает того, что по мере нарастания интеграционных процессов этот недостаток начтёт ощущаться сильнее, что вернёт нас к дискуссии о влиянии национальных парламентов на интеграцию.

Глава 4 «Вопросы права международной ответственности и право Евразийского экономического союза» состоит из шести параграфов. В *параграфе 4.1.* рассмотрены общие вопросы ответственности в международном праве. Право международной ответственности не может рассматриваться исключительно с точки зрения содержания разработанных КМП Статей об ответственности либо авторитетных комментариев к ним. Применение норм о международной ответственности на практике зависит в том числе и от особенностей конкретного субъекта международного права, задействованного в имплементации международно-правовой ответственности. В *параграфе 4.2 «Lex specialis в праве международной ответственности (на примере практики Всемирной торговой организации)»* отмечается, что в рамках правопорядка ВТО создан механизм *lex specialis* в области международной ответственности, то есть

общие правила об ответственности носят вспомогательный характер и применяются только в той степени, в какой они не противоречат правилам ВТО или в случаях, которые не урегулированы нормами ВТО. Представляется, что государства при создании ВТО вполне сознательно сделали ставку на традиционные для международного права механизмы горизонтального контроля и горизонтального принуждения нарушителя к исполнению им своих обязательств. При этом государства исходили в первую очередь из принципа взаимности и возможности применения принуждения к нарушителю только в виде сокращения уступок, то есть отказа потерпевшего государства соблюдать нормы ВТО по отношению к государству-нарушителю, сознательно исключая возможность заявлять требования о возмещении понесённого в результате действий нарушителя ущерба. *Параграф 4.3.* посвящён ответственности в праве Европейского союза. Автономность права ЕС подразумевает наличие собственной комплексной системы средств защиты нарушенных прав, которая в корне отличается от традиционного международного права, что исключает применение к институту ответственности в праве ЕС норм общего международного права, включая положения обоих проектов статей. Нормы, регулирующие ответственность ЕС за нарушение внедоговорных обязательств, составляют то, что в рамках ЕС называется «европейское право ответственности» (*EU public liability law*). *В параграфе 4.4.* исследуются вопросы ответственности в праве ЕАЭС. В ЕАЭС эффективные механизмы реализации международной ответственности, особенно в отношении частных лиц, отсутствуют. Если говорить о необходимости дальнейшего развития и углубления евразийской интеграции, то в рамках ЕАЭС должны быть созданы эффективные механизмы устранения допущенных нарушений прав субъектов права ЕАЭС (которыми являются не только государства — члены ЕАЭС и сам Союз с его органами, но и частные лица), включая механизм возмещения понесённого ими ущерба в результате таких нарушений. Для этого, безусловно, необходимы подготовка и внесение изменений в действующую правовую базу Евразийского экономического союза, что позволит сформировать *lex specialis* в правовом порядке ЕАЭС в отношении

международной ответственности. *Параграф 4.5.* посвящен смешанным соглашениям Евразийского экономического союза с третьими странами в общем контексте права международной ответственности. Договоры ЕАЭС с третьими странами помогают Союзу и государствам-членам в реализации внутренних целей и поиску путей дальнейшего развития. Вместе с тем смешанный характер этих соглашений, проявляющийся в том, что их сторонами являются и государства-члены, и Союз, порождает ряд теоретических и практических проблем, одной из которых является проблема ответственности и связанное с ней присвоение поведения в случае нарушения обязательств, вытекающих из соглашений. Если говорить о возможных сценариях присвоения поведения за нарушения Соглашений, заключаемых ЕАЭС и его государствами-членами с третьими странами, то, как уже было показано выше, эти Соглашения регулируют лишь вопросы надлежащего ответчика (и то лишь частично, разрешая при этом подать иск по усмотрению заявителя одновременно к ЕАЭС и к государству — члену Союза). В отсутствие чётких договорных правил присвоения поведения арбитражные группы окажутся перед необходимостью решать этот вопрос самостоятельно, используя для этого либо Статьи об ответственности международных организаций 2011 года, либо названную выше практику ВТО в отношении ЕАЭС. Учитывая уже отмеченную тенденцию использования на региональном уровне аналога механизма разрешения споров ВТО, можно предположить, что второй вариант является более вероятным. В этом случае речь пойдёт о солидарных обязательствах и о солидарной ответственности ЕАЭС и его государств-членов за нарушение заключённых ими Соглашений с третьими странами. С другой стороны, Соглашения ЕАЭС с третьими странами решают целый ряд очень важных для интеграции задач: они позволяют избежать конфликтов, связанных с распределением компетенций между Союзом и государствами — членами ЕАЭС, восполняя определённые пробелы в регулировании соответствующих отношений, а также создают дополнительные гарантии для третьих лиц надлежащего исполнения

государствами — участниками соглашений своих обязательств. В последнем параграфе главы сделаны обобщения и выводы.

Глава 5 «Суд ЕАЭС — институциональная основа для развития права Евразийского экономического союза» состоит из трех параграфов. *Параграф 5.1.* посвящен консультативной юрисдикции Суда ЕАЭС. Практика консультативных заключений органов международного правосудия ставит под сомнение представление о том, что консультативная юрисдикция является дополнительной по отношению к юрисдикции по рассмотрению споров. Этот вид юрисдикции международных судов имеет огромный потенциал, однако её эффективное использование зависит как от её модификации, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон к ней обращаться. Наличие консультативной юрисдикции в учредительных документах того или иного суда само по себе не гарантирует её широкое применение данным судом. В том, что касается правового эффекта или правового значения консультативных заключений, не имеющих, по общему правилу, обязательной силы, можно говорить лишь об убедительности заключений и о том, что государства принимают их во внимание, признавая их авторитет и придавая им определенный вес.

Статистика первых десяти лет деятельности Суда ЕАЭС убедительно показывает, что вопреки ожиданиям представителей доктрины консультативная юрисдикция не только успешно конкурирует с юрисдикцией по разрешению споров с точки зрения количества рассмотренных Судом Союза в их рамках дел, но и с точки зрения качественного влияния на формирование правопорядка ЕАЭС и на эффективную работу его институтов. Особое значение имеют заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет (верховенство) права Союза и непосредственное действие (прямой эффект) права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективного правопорядка ЕАЭС. Суд ЕАЭС последовательно формирует свои правовые позиции и доводит их до широкого круга лиц, преимущественно

в виде консультативных заключений по конкретным делам. Это представляет интерес для практикующих юристов и создаёт разумные ожидания для сторон спора, обеспечивая тем самым судебную защиту нарушенных и/или оспоренных прав. Несмотря на отсутствие у заключений Суда ЕАЭС обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, особая интерпретационная значимость (*res interpretata*). К тому же, в отличие от решений по спорам, которые, строго говоря, обязательны только для сторон этого спора, правовые позиции, воплощённые в консультативные заключения, с самого начала обладают характером *erga omnes*. И наконец, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструментальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда. Консультативные заключения Суда ЕАЭС содержат интерпретацию (толкование) общих вопросов, касающихся всех членов ЕАЭС, воплощённую в правовые позиции Суда ЕАЭС. Уже сейчас консультативные заключения Суда, содержащие интерпретацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом; и, во-вторых, содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений.

В параграфе 5.2. анализируются вопросы исполнения решений Суда ЕАЭС. Одной из основных проблем в области мирного разрешения международно-правовых споров является проблема своевременного и полного исполнения решений органов международного правосудия. Особую актуальность приобретают вопросы правовых последствий и порядка исполнения решений, принятых судами региональной интеграции, которые не только наделены полномочиями в области разрешения споров между государствами, входящими в региональные интеграционные объединения, но и определяют соответствие

праву объединения актов его институтов, действующих в правопорядках государств непосредственно и имеющих приоритет над национальными актами. При этом суды интеграционных объединений и высшие национальные суды могут по-разному понимать правовые последствия и порядок исполнения решений судов интеграционных объединений при контроле над правомерностью актов органов интеграционных объединений. Особенно велик риск возникновения таких конфликтных ситуаций в случае, если эти вопросы нечётко решены в учредительных документах суда регионального интеграционного объединения.

Несмотря на то что в Уставе ООН зафиксирован особый механизм контроля за исполнением решений Международного Суда ООН, позволяющий прибегнуть к полномочиям Совета Безопасности ООН, на практике эта процедура показала свою неэффективность. В рамках ВТО система контроля за исполнением решений Органа по разрешению споров ВТО успешно функционирует, что лишний раз даже в условиях кризиса Апелляционного органа ОРС ВТО подтверждает уникальность данного механизма. Исполнение рекомендаций третейских групп и Апелляционного органа ОРС ВТО, равно как и предоставление средств правовой защиты в случае их неисполнения, воспринимается как естественное продолжение функций механизма разрешения споров. Пока небольшой опыт Суда Евразийского экономического союза свидетельствует о том, что Статут Суда устанавливает право ЕЭК самостоятельно избирать форму и способ исполнения решения Суда ЕАЭС. При этом дискреция ЕЭК в том, как именно исполнять решение Суда, остаётся достаточно широкой, что лишний раз подтверждает, что государства при создании Суда ЕАЭС не планировали включить стадию исполнения в общий процесс по рассмотрению спора в Суде ЕАЭС, оставив Суду ЕАЭС лишь функцию по контролю над исполнением в виде возможности обращения в Высший Евразийский экономический совет. Практика Суда ЕАЭС демонстрирует желание Суда изменить существующий, предусмотренный Статутом Суда, порядок исполнения его решений, что свидетельствует об определённом судейском активизме.

Совершенствование исполнения решений Суда ЕАЭС нуждается в комплексном подходе и осмыслении на тактическом (спорящими сторонами — хозяйствующими субъектами) и стратегическом (государствами — членами Союза) уровнях в виде изменения поведения хозяйствующих субъектов при участии в процессах в национальных судах и Суда ЕАЭС, а также совершенствования нормативного регулирования как на национальном уровне, так и на уровне Союза.

В последнем параграфе пятой главы рассмотрена проблема взаимодействия Суда ЕАЭС с конституционными судами государств — членов Союза (на примере Конституционного Суда РФ), которая является частью более общей проблемы взаимоотношений между международными судами, созданными в рамках региональных интеграционных объединений, и конституционными судами государств — членов этих объединений. Специфика принятия нормативных актов общего применения институтами ЕАЭС, а также особенности действия и применения этих нормативных актов в национальных правовых системах государств — членов ЕАЭС обуславливают неизбежность различных подходов к этим актам со стороны Суда ЕАЭС и конституционных судов государств — членов Союза. Если для Суда ЕАЭС, который проверяет эти акты на предмет их соответствия праву Союза, главным является единообразие толкования и применения этих актов, то для конституционных судов, которые исходят из верховенства национальных конституций и необходимости соответствия этих актов именно им, вопросы единообразия неизбежно отходят на второй план. Разработанная Судом ЕАЭС доктрина приоритета права ЕАЭС уже столкнулась (правда, пока в формате заочного диалога) с позицией КС РФ, который исходит из верховенства Конституции РФ, а приоритет права ЕАЭС над остальными нормами национального права признаётся при условии а) соответствия норм ЕАЭС конституционным гарантиям основных прав и свобод человека и гражданина (скорее всего, в понимании КС РФ) и б) непротиворечия этих актов основам конституционного строя Российской Федерации. Масштаб и интенсивность конфликтов, которые могут возникнуть между Судом ЕАЭС и

конституционными судами государств — членов ЕАЭС, напрямую связаны как с углублением процессов интеграции, в условиях которой происходит постепенное распространение действия актов ЕАЭС на всё более широкий круг субъектов национального права, так и с тем, что существующие на сегодняшний день особенности юрисдикции Суда ЕАЭС разительно отличают Суд Союза от того же Суда ЕС и объективно препятствуют возникновению конфликтов, при этом предоставляя конституционным судам заведомое преимущество. Отсутствие у Суда ЕАЭС преюдициальной юрисдикции по образу и подобию юрисдикции Суда ЕС, к которому могут обратиться суды любого уровня государств — членов ЕС, исключает прямой диалог между национальными судами и Судом ЕАЭС в обход КС РФ. Особенности решений Суда ЕАЭС, на которые КС РФ обращает такое пристальное внимание, и невозможность их использования для пересмотра принятых национальными судами актов по вновь открывшимся обстоятельствам, также служат сдерживающим фактором на пути появления конституционных конфликтов. С одной стороны, такая ситуация пока не даёт Суду ЕАЭС достаточных оснований буквально требовать от национальных судов лояльности своим решениям (что уже делает Суд ЕС), а с другой стороны, и не создаёт для национальных судов достаточно убедительного стимула проявить подобную лояльность.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования. В частности, отмечается, что проведённое диссертационное исследование показывает, что в современных условиях регионализм вышел за рамки его первоначального понимания как явления, связанного преимущественно с географической близостью государств и западноевропейской интеграцией. Территориальный критерий утратил определяющее значение, и регионализм стал рассматриваться как форма устойчивого взаимодействия групп государств,

объединённых общими интересами и формирующих собственные правила поведения.

В этой связи особое значение в международном праве приобретает концепция нормативного регионализма. В позитивном аспекте она предполагает существование специальных норм и принципов (*lex specialis*), обязательных для государств — членов региональных объединений. В негативном аспекте она проявляется в требованиях отдельных групп государств о неприменении к ним универсальных норм международного права. Это ставит вопрос о возможности существования региональных императивных норм и региональных общих принципов права, а также о механизмах разрешения возникающих нормативных конфликтов.

Концепция нормативного регионализма позволяет по-новому объяснить разнообразие и особенности правопорядков региональных интеграционных объединений. Особенно показателен здесь пример права ЕАЭС, который, не будучи автономным по модели ЕС, тем не менее обладает схожими нормативными характеристиками.

Нормативный регионализм проявляется также в появлении в рамках правовых систем региональных интеграционных объединений локальной правосубъектности частных лиц. Локальная правосубъектность возникает в силу того, что принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правопорядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами.

Исследование международной ответственности в условиях регионализма показало, что её традиционная модель, закреплённая в Статьях об ответственности государств, разработанных Комиссией международного права

ООН, дополняется и модифицируется в региональных и специальных правовых порядках, что также можно отнести к проявлению нормативного регионализма.

В целом результаты исследования свидетельствуют о том, что современное международное право представляет собой многоуровневую систему, в которой универсальные нормы сосуществуют с региональными правовыми порядками, а их взаимодействие отражает усиливающийся нормативный и институциональный плюрализм.

IV. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Список работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ

по специальности и отрасли наук

1) *Кадышева О.В.* Регионализм в международном праве: в поисках баланса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 12. с. 45-54. (0,8 п.л.) EDN: XAUEOV Импакт-фактор 1,149 (РИНЦ).

2) *Кадышева О.В.* Правосубъектность частных лиц в правопорядке Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2025. Т. 66. № 3. с. 168-190. (1,5 п.л.) EDN: YFUYZA Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).

3) *Кадышева О. В.* Нормативный регионализм в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11. С. 26–33. (1,8 п.л.) EDN: RYOXMS Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

4) *Кадышева О.В.* Пределы судебной защиты в рамках консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза // Закон. 2025. № 4. С. 66-80. (1,6 п.л.) EDN: XВОТНГ Импакт-фактор 1,258 (РИНЦ).

5) *Кадышева О.В.* Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 6. С. 81-93. (1,6 п.л.) EDN: PZQDUN Импакт-фактор 0,971 (РИНЦ).

6) *Кадышева О.В.* Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза и Конституционного Суда Российской Федерации: границы возможного // Журнал Конституционного правосудия. 2025. № 3. С. 19-26. (0,9 п.л.) EDN: RMVAMS Импакт-фактор 0,720 (РИНЦ).

7) *Кадышева О.В.* Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность //

Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 23-39. (1,6 п.л.) EDN: TAKJLJ Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

8) *Кадышева О.В.* Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 98-116. (1,7 п.л.) EDN: RCOOKI Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

9) *Кадышева О.В.* Смешанные соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы международной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 41-66. (1,5 п.л.) EDN: JOIUAN Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).

10) *Кадышева О.В.* Роль парламентского контроля в обеспечении эффективного функционирования институтов ЕС и ЕАЭС // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 4-18. (1,2 п.л.) EDN: CAGPBK Импакт-фактор 0,625 (РИНЦ).

11) *Кадышева О.В.* Проблемные вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: *experientia docet* // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 56-74. (1,6 п.л.) EDN: ACOBQY Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

12) *Кадышева О.В.* Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции // Международное правосудие. 2023. № 2 (46). С. 17-32. (1,3 п.л.) EDN: GCOOSQ Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

13) *Кадышева О.В.* Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58. (1,4 п.л.) EDN: UNUMVZ Импакт-фактор 0,971 (РИНЦ).

14) *Кадышева О. В.* Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 2. С. 25–48. (1,8 п.л.) EDN: UCVTRG Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).

15) *Кадышева О.В.* Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. № 8. С. 71-81. (1,1 п.л.) EDN: TJWNHC Импакт-фактор 1,258 (РИНЦ).

16) *Кадышева О.В.* Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия // *Международное правосудие.* 2022. № 4 (44). С. 95-111. (1,5 п.л.) EDN: YOJSYW Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

17) *Кадышева О.В.* Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2022. № 1. С. 208-231. (1,7 п.л.) EDN: SBKYHZ Импакт-фактор 2,436 (РИНЦ).

18) *Кадышева О.В.* Влияние оговорки о публичном порядке на функционирование внутреннего рынка // *Евразийский юридический журнал.* 2022. № 10 (173). С. 70-75. (0,9 п.л.) EDN: VURXIX Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

19) *Кадышева О.В.* Заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге: новые аспекты консультативной юрисдикции // *Российский юридический журнал.* 2021. № 5 (140). С. 71-81. (0,9 п.л.) EDN: UWQUMU Импакт-фактор 0,826 (РИНЦ).

20) *Кадышева О.В.* Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал.* 2021. № 11 (162). С. 30-35. (0,9 п.л.) EDN: ITJAPF Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

21) *Кадышева О.В.* К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве // *Евразийский юридический журнал.* 2021. № 12 (163). С. 33-37. (0,8 п.л.) EDN: JPDOGY Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

22) *Кадышева О.В.* Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики // *Евразийский юридический журнал.* 2015. № 1 (80). С. 85-90. (1 п.л.) EDN: TIDPV Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

23) *Кадышева О.В.* К вопросу о прецедентном характере решений Органа по разрешению споров во Всемирной торговой организации // *Евразийский юридический журнал.* 2014. № 6 (73). С. 97-101. (0,8 п.л.) EDN: SGWWCJ Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).